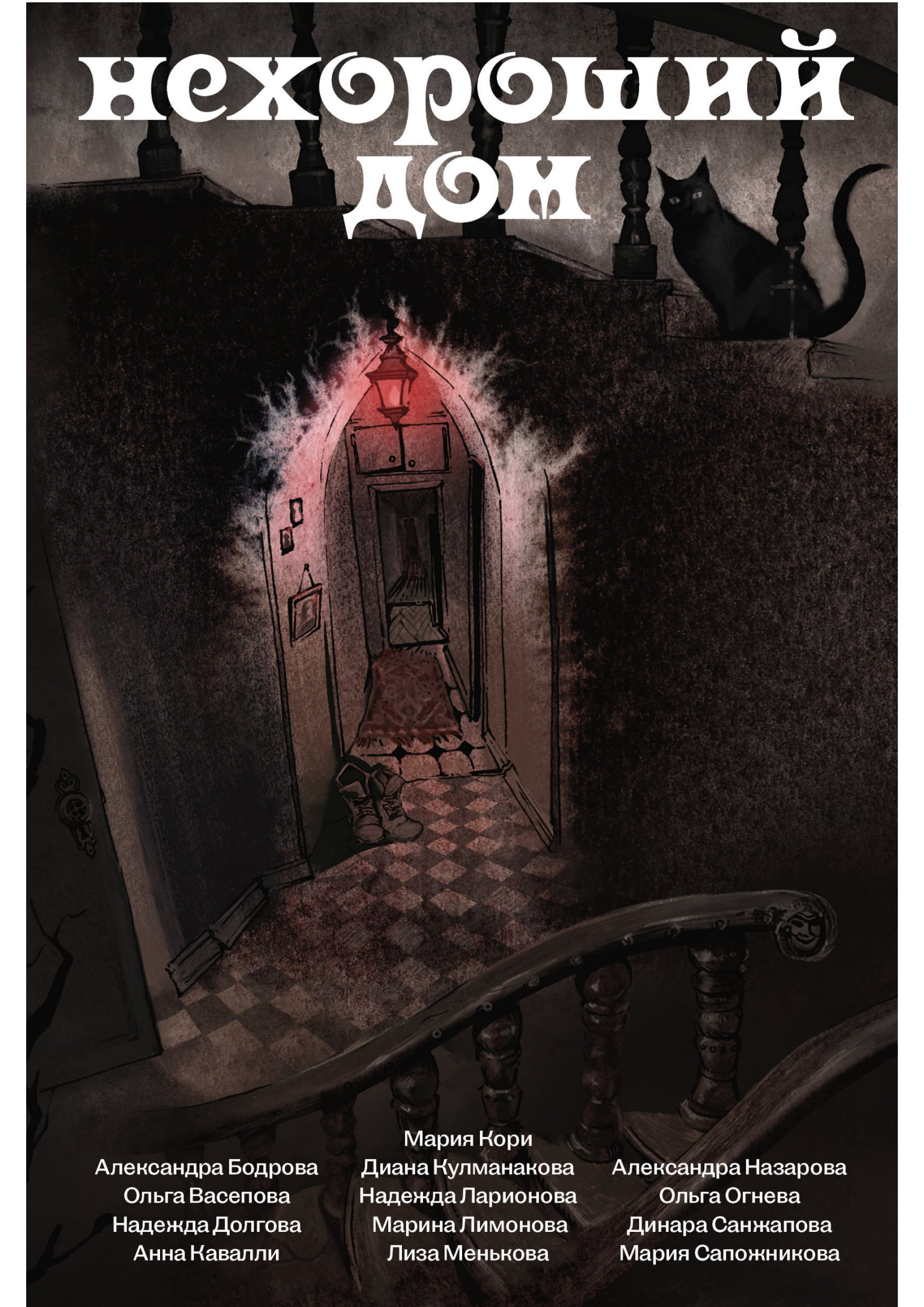


нехороший дом

The background is a dark, textured illustration. In the center, a doorway is framed by a glowing red light, with smoke or mist rising from it. Inside the doorway, a patterned rug and a pair of boots are visible. To the right, a black cat with yellow eyes sits on a ledge or balcony, looking towards the viewer. The floor is checkered, and a wooden staircase railing is visible in the foreground.

Александра Бодрова
Ольга Васепова
Надежда Долгова
Анна Кавалли

Мария Кори
Диана Кулманакова
Надежда Ларионова
Марина Лимонова
Лиза Менькова

Александра Назарова
Ольга Огнева
Динара Санжапова
Мария Сапожникова

Soda Press

Александра Бодрова

Нехороший дом

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Бодрова А.

Нехороший дом / А. Бодрова — «Эксмо», 2026 — (Soda Press)

ISBN 978-5-04-255935-8

Проклятое наследство, нехорошие квартиры и дома, призраки, вампиры, двойники — все это есть в сборнике готических рассказов «Нехороший дом». Героини и герои рассказов пугаются и пугают, прячутся от кошмаров и сталкиваются со своими страхами. Поиски себя, первая работа, переживание потери, сепарация от родителей, страх за близких людей и желание защитить тех, кто дорог — каждый герой проживает трансформацию, подвергая сомнению все, что знал о себе и о мире. Но главное: все это происходит в современной России.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-04-255935-8

© Бодрова А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Анна Кавалли	6
I	6
II	11
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Александра Бодрова, Ольга Васепова,
Надежда Долгова, Анна Кавалли,
Мария Кори, Диана Кулманакова,
Надежда Ларионова, Марина
Лимонова, Лиза Менькова, Александра
Назарова, Ольга Огнева, Динара
Санжапова, Мария Сапожникова
Нехороший дом
*Сборник рассказов***

* * *

© А. Бодрова, О. Васепова, Н. Долгова, А. Кавалли, М. Кори, Д. Кулманакова, Н. Ларионова, М. Лимонова, Л. Менькова, А. Назарова, О. Огнева, Д. Санжапова, М. Сапожникова, 2026

Иллюстрация на обложке © maimaïron, 2026

© Издание, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2027

Анна Кавалли Призрак замка Каттербхов



I

Жизнь на Марсе есть. Просто не такая, как многие думают. Если бы у Кати спросили, что значит быть пришельцем на Марсе, она бы ответила.

– Эва как расселась! Прямо императрица Екатерина Петровна. – Бабушка прошаркала в комнату, наполнила ее густым запахом сладкого чая с малиной. – А что это мы тут впотьмах сидим, что обед не кушаем? Я тебе макарончики с песком сварганила.

– С сахаром, ба. – Катя закатила глаза. – Никто не говорит «с песком».

– Как это никто? А я что же? – Бабушка сощурилась. – Постой-ка, ты что же это, матку ждешь?

Лицо ее вдруг потускнело, осунулось. Катя разозлилась.

– Мама приедет, ясно? Она обещала, сегодня же. – Слова «мой день рождения» застряли в горле. Катя закрыла дневник, заперла на ключ – золотой, крохотный, с полмизинца – и пошла на кухню. Макароны и правда дымились на столе, золотисто сверкали сахаром. Катя взяла вилку, повертела в руках. И все-таки что бы она ответила, если бы у нее спросили, каково быть марсианкой?

Бабушка учила, что у всего есть светлая и темная сторона. Катя искала светлую сторону своей новой, марсианской жизни, честно искала, но так и не нашла. По правде говоря, она бы отдала и Марс, и другие планеты Солнечной системы за приезд мамы.

Часы показывали час дня. Мама говорила, что будет к одиннадцати.

Катя подперла щеку рукой. Первые декабрьские дни выдались морозными, на окне расцвели снежные узоры, засверкали празднично сахарной глазурью. Только вот внутри у Кати было темно-темно, что хотелось рыдать. Но глаза, как назло, оставались сухими. Видно, в десять Катя совсем разучилась плакать.

А может, просто забыла слезы, все-все, до самой последней, самой крошечной слезинки, у мамы, когда уезжала от нее навсегда. На-все-гда. Смешное слово. Какое-то ненастоящее. Как это можно что-то сделать навсегда, когда даже жизнь – и та ничего общего с этим глупым «всегда» не имеет?

Скрипнула дверь, пахнуло колючим морозом.

– Что это вы с бабулей в разных комнатах сидите? – Егор появился на пороге кухни, прислонился к дверному косяку. – Опять поссорились? А торт кто есть будет, а? – Он поставил на стол пакет.

Старший брат был высоким, даже слишком высоким для своих семнадцати. Бабушка говорила, что он красивый, как артист, но Катя ей не верила. Она смотрела телевизор и видела, что никто на экране и рядом не стоял с Егором.

– Ни с кем я не ссорилась. Я жду маму, вот и все, – сказала Катя. – Приедет, тогда и торт будет.

Егор потемнел лицом:

– Маму? Серьезно?

– Да! – Катя вскинула голову. Она ненавидела, когда Егор смотрел на нее так – с жалостью, как на умирающего котенка. Ненавидела, ненавидела, ненавидела!

Но брат сделал еще хуже, потому что заговорил особым, мягким голосом – таким бабушка умоляла выпить лекарства, когда Катя тяжело заболела:

– Ты пойми, мама просто человек такой. Организовала тут, у бабули, свалку ненужных детей. Сначала меня сюда отправила, теперь те...

– Неправда! – Катя вскочила, опрокинула тарелку с макаронами. Случайно, конечно, но стыдно стало так, будто нарочно. Осколки разлетелись по всей кухне, из комнаты заохала бабушка.

– Неправда, – повторила Катя шепотом. Слова брата жгли изнутри, не давали дышать, хотелось передать боль обратно, перекинуть, как мячик. – Может, это ты маме не нужен. – Катя посмотрела на Егора. – А я – другое дело.

Брат вздрогнул, будто от удара:

– Знаешь, что такое семья?

– Мне уже двенадцать! Я не глупая! – Катя топнула ногой.

– Да не в уме дело. Ты всю жизнь прожила с мамой, а она. – Он осекся. – Так вот, семья – это те, кто тебя любит не за что-то, а просто так. Те, кто готов быть с тобой здесь и сейчас. – А потом развернулся, бросил: – Буду поздно, ба, мозги проветрить надо. – И ушел.

В доме стало тихо. Пакет с тортом так и остался стоять на столе. Сквозь пластиковую упаковку горела красным надпись: «Еще один год на Марсе! Поздравляю!» Это была их шутка, только их с братом. Катя закрыла лицо ладонями. Заплакать бы навзрыд, так, чтобы все плохое и страшное ушло со слезами.

Но не вышло.

* * *

Ночь накрыла Торжок густой темнотой, а Егор так и не вернулся. Катя просидела до позднего вечера в комнате, бабушка – на кухне, смотрела телевизор. Мама не отвечала ни на звонки, ни на эсэмэски. Это был самый неденьрожденческий день рождения из всех.

Лучший праздник случился, когда Кате было пять. Тогда она впервые увидела Егора. Тогда Катя еще жила на своей планете. Она всегда знала, что у нее есть брат. Мама говорила, что он «неуправляемый», «сложный», «непослушный». Что она с ним «намаялась» – Катя тогда не поняла, при чем тут май. Что Егор «не ребенок, а бесенок». Что его *пришлось* отдать.

Катя радовалась. Она совсем другая, а значит, мама никогда и никому ее не отдаст.

На Катины пять лет мама устроила праздник в кафе. Собрала подруг и своего тогдашнего «мужа» – на самом деле он был ей не муж, но она почему-то все равно так его называла. Катя надела платье в тон маминому – красное, как малиновое варенье. Или свежая ранка. Платье неприятно шуршало и сжимало шею тугим высоким воротничком, но мама улыбалась:

– Ты прямо Барби!

Катя улыбалась в ответ. Какая разница, что платье неудобное, главное – оно нравилось маме.

Когда официант вынес торт – малиновый, с пятью шоколадными мишками, – в кафе появились бабушка и Егор.

Катя, конечно, сначала не поняла, кто это. Бабушка подошла, подвела Егора и представилась. Сказала, адрес дала соседка мамы. Воцарилось молчание.

А потом мама разозлилась. Сказала бабушке, что без спросу не приезжают, и убежала плакать в туалет.

– Пойдем, взрослым не до нас, – шепнул Егор, помог Кате надеть куртку с шапкой и вывел на улицу.

– А ты откуда? – спросила она. Вопрос прозвучал глупо, не попад, но Егор улыбнулся:

– С другой планеты. Тебе бы там вряд ли понравилось.

– Ты пришлец? – Катя раскрыла рот. Тогда она еще не умела выговаривать «пришлец», но знала, кто это. Мамин «муж» любил смотреть передачи про НЛО.

Егор не ответил, но Катя сразу его зауважала. У нее, значит, был не просто брат, а самый настоящий инопланетянин. Существо из другого мира!

Шел снег, белый и мягкий, они принялись лепить снеговика и болтать, как самые обычные земляне, и стало так хорошо и правильно, будто брат всегда был рядом. Будто он – лучшее, что с Катей случалось. Будто они один человек, по какой-то непонятной глупости разделенный надвое.

Ни мамины слезы, ни крики ее «мужа» – ничто не смогло испортить тот день рождения. А теперь? Зачем Катя поссорилась с братом? Сама себе испоганила день. Сама, сама, сама. Наверное, Катя все-таки тоже «не ребенок, а бесенок». Не заслужила праздника.

Поэтому мама и не приехала.

* * *

Время ужина прошло, а в животе урчало все неприятнее и громче. Катя вышла на кухню. Бабушка выключила телевизор.

– Эва кто пришел! Екатерина Петровна пожаловали. – И засмеялась, совсем не злобно, так, что Катя улыбнулась, а внутри потеплело. – Правильно сделала, что пришла. Нельзя же

унывать-то вечный век. – Бабушка встала, засуетилась. – Сейчас накормим тебя... – Открыла холодильник. – Котлетки вот рыбные со вчера есть, пюре и.

– А можно торт? На ужин?

Бабушка посмотрела на Катю, нахмурилась, а потом вдруг подмигнула:

– А почему бы и не торт! Сегодня твой день, так что извольте, царица-матушка. – Достала торт, тот, который Егор принес, и разрежала. Кате достался кусок с «Ма». Ма как Марс, как мама, как куча других, куда более сложных и одинаково загадочных слов.

Темнота за окнами казалась живой. Рябила снежинками, как испорченный телевизор, приникала к окнам, заглядывала в дом. В Катю. Сложно объяснить, как это – заглянуть внутрь человека, да и вслух такое прозвучало бы глупо. Но Катя чувствовала, как законное черное ничто всматривается в нее, в самое сердце.

Вдруг темнота, как собака, чуяла, что Катя тут, в Торжке, чужая? Или, может, она знала что-то о Егоре, потому и смотрела так пристально? Обычно брат так не задерживался, даже когда злился. Что, если. Нет, прервала себя Катя, не надо думать о плохом, а то, как сказала бы бабушка, можно беду накликасть.

– Ба, а Расскажи сказку, – попросила она.

– Эва какая, то губы дует, то сказку ей подавай! Да и взрослая ты уже девка-то. – Даже когда бабушка пыталась казаться строгой, у нее это плохо получалось.

– Ну пожалуйста! – Катя взяла себе еще кусок торта. – А я чай свежий сделаю.

Бабушка поправила пояс из собачьей шерсти, уселась за стол.

– Ну, про что рассказать-то? – спросила.

Катя выдохнула, досчитала до трех и прошептала:

– Про завод.

Это слово она всегда произносила вполголоса. Завод Каттербахов стоял на берегу реки Тверцы в центре города, впрочем, от завода там было одно название. Так, руины красного кирпича, сводчатые и гулкие, и все. У Каттербахов собирались местные подростки и бездомные, ютились брошенные собаки. Катя про себя называла руины «замком». Заводы в ее представлении выглядели совсем иначе, в Москве так точно. Впрочем, здесь, на Марсе, все было чудным.

Сказка про завод у бабушки всегда звучала одинаково. Много-много лет назад семья Каттербахов купила землю в Торжке и переехала в эти края. Они жили дружно, все делали вместе, любили свое дело и друг друга, а потом грянула революция и закружили холодные ветра перемен, смели прежний уклад. Каттербахи все потеряли. Семья уехала в Германию, остались только молодой наследник, Альберт Каттербах, и его младшая сестра Луиза.

– Почему они не последовали за остальными? – спросила Катя почему-то шепотом.

– Поди разбери, – вздохнула бабушка, – Да только говорят, что место это, где завод стоит, зачарованное, в стародавние времена капище там было. Просто так от него не уедешь. Не всех оно, значит, отпустило. Альберта и Луизу себе оставило.

– И что с ними стало? – спросила Катя, хотя уже знала ответ. Вопрос был частью игры. Ритуала, где Катя каждый раз заново пугалась, а бабушка – пугала.

– Все бросили Каттербахов. Никто с ними знаться не хотел, больно знатные были да сытно жили слишком до семнадцатого года. Альберт умер от голода в 1924-м, а Луиза исчезла. Раз – и все, испарилась девка. Много слухов ходило. Одни говорили, сбежала, другие – утопилась. А моя матка, – бабушка понизила голос, – сказывала так: не выдержала Луиза смерти брата, она-то ее и испепелила.

– Как это? – Про испепеление Катя слышала впервые.

– А так это, – улыбнулась бабушка. – Горе-то – оно как пожар, сжигает дотла. Вот Луиза и сгорела. Обратилась призраком, поселилась в руинах отцовского завода, срослась с ними намертво, стала их душой и сердцем. Некоторые ходят к ней просить о чудесах всяких. Чьи-то

желания она исполняет. Чьи-то – мимо себя пропускает. А бывает так, что в обмен на исполнение мечты забирает жизнь. Вот почему соваться в руины – себя не любить.

А зачем вообще себя любить, хотела сказать Катя, но промолчала. Как-то раз она уже спросила об этом, а бабушка расстроилась, даже слезу пустила. Потом, когда Катя ушла спать, они с Егором допоздна шептались на кухне про маму и ее «московское воспитание».

– Ну все. – Бабушка хлопнула себя по коленкам. – Вот и сказочке конец, как говорится. Вставайте, Екатерина Петровна, и пожалуйста умываться. А я на кухне приберусь.

Катя сделала, как ей сказала бабушка. Пока она чистила зубы в ванной, по спине то и дело пробегал холодок. Кто-то будто смотрел на Катю. Кто-то невидимый. Кто-то, проникший в дом из царства законной темноты.

И этот кто-то вряд ли был Кате другом.

* * *

Ночью Катя не могла уснуть. Ждала Егора, смотрела в потолок и думала о маме.

Думала, думала, думала.

Мама учила Катю быть красивой. Красивой – это значит не есть на ночь, делить еду на хорошую и плохую, несмотря на то что хорошая – вся, как назло, скучная и пресная, а плохая – вкусная до слез.

Мама учила Катю нравиться другим, особенно – новым папам. Новые папы возникали раз в полгода, иногда – раз в год, если кто-нибудь из старых задерживался. За семь лет, что Катя себя помнила, она познакомилась с десятью мамиными «любовями на всю жизнь». Чтобы нравиться новым папам, надо было притворяться, что ничего, совсем-совсем ничего не умеешь.

Не умеешь открывать пакеты с молоком и банки со сгущенкой, например. Зачем, спрашивала Катя, а мама вздыхала:

– Потому что, если будешь собой, никто тебя не полюбит, дурочка. Так наш мир устроен.

Словом, мама учила Катю быть кем угодно, только не Катей.

Теперь, когда рядом были только бабушка и брат, все выученное, вымученное и вызубренное стерлось, как дешевая позолота с пластмассовой короны, которую мама подарила на прошлый день рождения. Катя не знала себя. И не была уверена, что хотела узнавать.

Может, если бы она старалась еще лучше, то мама бы ее не отвезла к бабушке?

Об этом попросил новый папа, одиннадцатый по счету. Сказал, что ему нужна «женщина, а не разведенка с прицепом» и «чужих отпрысков пусть тупые олени воспитывают». Катя пошутила, что была бы не против, если бы ее воспитали олени, да и тупыми, судя по «Бэмби», их было не назвать. Новый папа разозлился.

Утром мама отвезла Катю к бабушке. Это случилось в конце августа. Мама обещала, что это временно, на пару недель. Пара недель растянулась до начала декабря. Катя ходила в новую школу и жила своей новой марсианской жизнью – даже иногда делала вид, что она ей нравится, – а мама так и не вернулась.

Ночью, когда Катя все-таки уснула, она наконец явилась. С ног до головы в красном, под руку с новым папой, мама шла мимо дома бабушки. Катя кричала ей из окна, стучала в стекла.

Мама не слышала.

II

– Вставай, Екатерина Петровна! – От бабушкиных пальцев исходило сухое, шершавое тепло. Катя поморщилась и натянула одеяло на голову:

– Мне в школу не надо, я же на больничном. Забыла, ба?

– Да не в школе дело. Егорка пропал.

– Что? – Катя рывком села на кровати.

В сером утреннем свете лицо бабушки казалось осунувшимся.

– Я ночью шум услышала, думала, вернулся, сердечный наш, а нет, нет его. Телефон не берет. Куда делся, ума не приложу. Всегда домой приходил, а тут...

– погоди, ба. – Катя вскочила, натянула джинсы поверх пижамных шорт. – Я сбегая. – Куда, она и сама не знала. – Словом, я его поищу, хорошо? Ты, главное, не волнуйся. Капли свои выпей, чай согрей, а я мигом.

Пальцы дрожали, свитер дважды упал на пол. Катя натянула сапоги, красные куртку и шапку, приговаривала: «Все будет хорошо». Бабушка молчала, впервые молчала так тяжело и страшно, и казалось, беда уже пришла в их дом.

Просто Катя пока не знала какая.

* * *

Ночью началась оттепель. Асфальтовые дороги у дома обратились в черные зеркала. Расстаявший лед скрыл неровности и трещины, и Торжка стало два: один – настоящий, привычно – инопланетно – чужой по эту сторону, и другой – призрачный и темный, куда темнее обычного. Вспомнилось лето, душливый август, когда казалось, что Катя тут, в новой марсианской жизни, совсем ненадолго.

Тогда они с Егором каждую ночь рассказывали друг другу страшные истории. Сидели в саду, включали фонарь на телефоне и играли в кто кого сильнее испугает. Егор всегда выигрывал. Особенно Кате запомнилась страшилка про пришельцев, похитивших девочку и заменивших ее на клона. Никто из родных не заметил подмены. После этой истории Катя не могла уснуть до рассвета. Ворочалась на кровати, липкой и жаркой от пота, и думала: если ее украдут и подменят инопланетяне, поймут ли Егор и бабушка, что она – неона?

Теперь эти страхи казались детскими и оттого отвратительными. Если бы инопланетяне пообещали Кате найти Егора живым и невредимым, а взамен украсть ее, может быть, она бы согласилась. Нет, не «может быть». А точно, сказала себе Катя.

Но инопланетяне не появились. А поиски брата оказались тщетными.

Катя искала Егора в школе – и не нашла. Искала у продуктового, в монастырской трапезной – брат любил местные пирожки с черникой, – искала, искала и так и не нашла.

К обеду Катя выдохлась. Куда идти дальше? Что сказать бабушке? Катя знала: она виновата. Брат вчера ушел из-за нее. А значит, Катя должна привести его домой. Найти и...

– Эй, психичка! – раздался хохот.

Катя медленно повернулась. На берегу реки Тверцы, на облезшей скамейке с оторванной спинкой, сидело четверо парней-одиннадцатиклассников. Катя сразу их узнала. Сережа, Тим, Антон, Яша, или коротко – СТАЯ.

Катя как-то раз читала про сиамских близнецов. С рождения они были одним целым и, даже если хотели, чаще всего не могли разделиться. Стайные тоже казались кем-то вроде сиамских близнецов. Они все делали вместе.

Егор ненавидел СТАЮ, а СТАЯ – его. Катя не знала точно почему, кажется, дело было в чем-то глупом, почти смешном. СТАЯ обожала футбол, а Егор – нет, а еще он носил какой-

то не такой «шмот». Неправильный. Неподходящий. «Пидорский». Катя бы ни за что ни с кем не стала бы ссориться из-за спорта и одежды.

Но у СТАЯ были свои принципы. И Катя радовалась тому, что не до конца их понимает. Как, впрочем, и многое на Марсе.

– Че стоишь, пыришься? Здраваться не учили? – усмехнулся Сережа.

– Вся в братца, он умственно того, – Тим покрутил пальцем у виска, – и она того.

– Не его ли ты ищешь, золотце? – Антон улыбнулся с хищной нежностью.

– Иди сюда, мы не кусаемся, – оскалился Яша.

И Катя подошла. В другой день она бы сбежала, но сегодня все иначе. Сегодня Кате надо было найти Егора. А у нее закончились идеи, куда мог подеваться брат.

– Я... – В горле пересохло. – Не знаете, где.

– Где – кто? – Сережа достал пачку сигарет, вытянул одну, зажег и затянулся.

– Да никто, – загоготал Тим.

– Как мило, что ты так волнуешься о брате, – продолжал улыбаться Антон.

– Поищи на заводе, – подмигнул Яша.

Ноги приросли к земле, нет, не так, скорее – вросли в землю. Сердце перестало биться. Егор не любил завод Каттербахов, его туда никогда не звали, там тусовалась СТАЯ и ребята вроде них. Фриков, как объяснял брат, не приглашали. С чего бы Егору быть на заводе?

Катя убеждала себя, что СТАЯ врет и ей не придется туда идти. Но Сережа выпустил дым ей в лицо, Тим наклонился:

– Не веришь?

– Пойди сама и проверь, – посоветовал Антон.

Яша гаркнул:

– Бу! – и расхохотался.

Катя переводила взгляд с одного стайного на другого. Они виноваты в том, что случилось с Егором на заводе, что бы это ни было. Виноваты, виноваты, виноваты.

Катя в этом не сомневалась. Ведь призраков не существует, правда?

* * *

Летом Егор показал Кате «Интерстеллар», нудный фильм про космическое путешествие. Астронавт в конце концов оказался слишком близко от черной дыры и пропал. Катя еле досидела до конца, скучнее она еще ничего не смотрела. Лучше бы брат включил «Гарри Поттера».

– Ничего ты не понимаешь, – рассмеялся Егор.

Он хотел быть режиссером. Снимать фильмы про космос вроде «Интерстеллара». А еще Егор много говорил про черные дыры. Почему жутковатые темные пятна во Вселенной так его волновали, Катя не понимала, но порой брата было не заткнуть. Черные дыры, рассуждал Егор, на самом деле какие угодно, только не черные. Скорее они не про цвет, а про отсутствие цвета. Отсутствие всего, что мы называем жизнью.

Космическая трясина поглощает свет и звезды, пожирает все, что оказывается слишком близко. Стоит перейти горизонт событий – что за горизонт и при чем тут события, Катя так и не поняла, – и тебя уже не спасти, рассказывал Егор. Сгинешь, как глупый астронавт в «Интерстелларе».

Когда Катя подошла к заводу, она впервые подумала, что поняла слова брата. Казалось, вот он, этот самый горизонт событий, за которым – руины завода Каттербахов. Дыхание замедлилось, время – тоже, воздух стал вязким и плотным. Вспомнились сказки бабушки, истории про древнее капище и призрака, крадущего жизни.

Когда-то завод хотели привести в порядок. Сделать тут культурный центр или что-то другое, тоже скучно-взрослое и московское. Но так ничего и не придумали. «Замок» Каттербахов оставили умирать.

Катя разглядывала руины. Сквозь красные камни проросли хлипкие деревья, от завода тянуло чем-то тяжелым и тоскливым. Так, должно быть, пахнет уснувшее мертвым сном время. Катя выдохнула, досчитала до трех, сделала шаг к заводу и остановилась.

– Здесь нет призраков, – сказала она громко и уверенно, так, чтобы самой себе поверить. – И черных дыр тоже нет.

А потом раздался стон. Казалось, руины ожили, завывли человеческим голосом. Сбежать бы, сбежать, сбежать – застучали в голове крохотные молоточки. Катя сжала кулаки. Нет, она никуда не побежит. Если СТАЯ права и брат здесь, что Катя скажет потом бабушке? А самой себе?

Руины затихли. Притаились – должно быть, ждали, когда Катя клюнет и подойдет ближе. И она правда подошла, нырнула в темноту подвала – или того, что от него осталось. Потолок был из кирпича цвета запекшейся крови. Здесь пахло пылью и снегом, а еще почему-то чем-то удушливо-сладким.

У груды камней лежал Егор, лицом вниз. Катя охнула, бросилась к брату. Он застонал. Она перевернула брата и вскрикнула. Лицо заливала кровь, блестела липкой чернотой в светлых волосах.

– Как же. – прошептала Катя.

Что делают в таких случаях? Точно! Скорая. Звонят в скорую. Катя достала мобильный, пальцы не попадали по сенсорному экрану.

– При. – пробормотал Егор, не открывая глаз.

– Что? – Катя наклонилась.

– При... зрак... – еле слышно повторил брат и затих, как мертвый.

Стало холодно и жарко одновременно. Сердце забилося так, что потемнело в глазах.

– Помогите! – закричала Катя. – Кто-нибудь!

Никто не ответил. Только тень, высокая и полупрозрачная, отделилась от стены. Катя зажмурилась. Когда она открыла глаза, тени уже не было.

* * *

Множественные гематомы, переломы ребер, отеки, ушибы – врач говорил много страшных слов, так что в конце концов Катя перестала его слушать.

В больничном коридоре пахло лекарствами и подгоревшей гречкой. Скорая – Катя все-таки ее вызвала – приехала быстро и отвезла их с Егором сюда, а следом появилась бабушка, запыхавшаяся и раскрасневшаяся.

Врач разговаривал с ней, убеждал «никому не звонить». Никому – это в полицию. У двоих из СТАИ, Яши и Антона, папы работали в местном отделе, а у Сережи родители «сидят в городской администрации», сказал врач, понизив голос и показав пальцем на потолок, будто городская администрация наверху, в длинной мигающей лампе с мертвыми мухами внутри.

Бабушка качала головой, хмурилась, потом принялась упрашивать забрать «внучка» домой прямо сейчас. Катя слушала вполуха и рассматривала стену перед собой. Почему больницы красят в этот холодный, мятный оттенок зеленого? От него же мурашки по коже. Не цвет, а дементор.

– ...Езжайте домой, мы понаблюдаем за ним в реанимации, сейчас вас к нему все равно не пустят, – раздался голос врача.

– Нет, – сказали одновременно Катя и бабушка.

– Уверю вас.

– Нет. – Катя вскочила. – Я хочу к брату. Сейчас же. Пустите меня к нему.

Хотелось обнять его, сказать, что он поправится, обязательно поправится, а еще спросить про призрака, узнать, что же произошло. Казалось, если Катя уйдет сейчас, то больше уже никогда не увидит Егора.

Вдруг тень – или призрак, или СТАЯ, да кто угодно – вернется за ним и утащит его навсегда?

III

Катя плакала – в первый раз за долгое время плакала, – ругалась, злилась, Катя умоляла – «всего пять минут с братом», – но врач был непреклонен. Их с бабушкой выставили за дверь и сказали приходить завтра.

– Ну ты даешь, Екатерина свет мой Петровна, – причитала бабушка по дороге домой, – опозорила меня на весь горо...

– Ба, – перебила Катя. – Что сделать, чтобы Егор поправился? Как помочь?

– Мы с тобой что, волшебницы какие? Тут только на чудо надеяться надо.

Дальше Катя шла молча. Смотрела на мутные лужи, на почерневший снег и окна чужих домов. Правильно мама отвезла ее сюда, на свалку ненужных детей. Катя ни на что не годится.

Брат ушел вчера из-за нее, пострадал – из-за нее, и если умрет, то тоже из-за нее.

Из-за нее, из-за нее, из-за нее.

* * *

Комната брата пахла совсем как он: чаем, а еще чем-то сладким и терпким. Катя сидела на полу и смотрела на стену, на которой белела афиша «Интерстеллара». Астронавт стоял по колено в воде на чужой планете, совсем один. Кате хотелось помочь ему. Спасти, вернуть домой.

Летом фильм ощущался иначе. Катя зевала, вертелась на стуле, ждала, когда же дурацкая драма про космос закончится. Егор не обиделся. Сказал, что просто рад быть рядом с Катей, а вернее – не быть одному.

– Я начал думать, что проклят, – улыбнулся брат.

– Как это? – не поняла Катя.

– Ну, знаешь, что я весь из себя такой одинокий волк, обреченный жить без стаи, – рассмеялся брат.

– А как же бабушка?

– Бабушка очень хорошая, но настоящей семьей может быть только тот, кто тебя понимает, – пожал плечами брат.

Кате тогда стало стыдно. Стыдно за то, как сильно он радовался ее приезду, – а она сама хотела сбежать из Торжка. Теперь все изменилось. Катя, конечно, хотела к маме, но впервые Егор показался ей таким. Хрупким? Да, пожалуй, именно так.

Катя набрала мамин номер – раз, два, три. В ответ – тишина, уже привычная и оттого почти успокаивающая. Может, лучше маме и не знать, что случилось. Вдруг у нее дела или проблемы?

Катя справится, со всем справится. А потом, когда закончится темное, когда отболит и потускнеет, она позвонит маме и расскажет о том, что было. О том, как бабушка говорила молиться, а Катя не послушала и нашла способ помочь Егору.

Ждать чуда она не могла. Вернее, могла – но не хотела. План возник в голове сам собой, такой простой и очевидный, что Катя удивилась: как это она сразу до него не додумалась?

Катя вышла из комнаты Егора и взглянула на спящую в гостиной бабушку. Разбудить ее? Нет, не стоит, одернула себя Катя. Вдруг бабушка попырует отговорить от задуманного. Катя тихонько оделась, натянула сапоги, куртку и шапку и выскользнула за дверь, в морозную темноту.

Если все пройдет как задумано, бабушка не заметит ее исчезновения. А Егор поправится.

* * *

Фонари тусклыми кляксами расплывались в отяжелевшем от ледяной мороси воздухе. Вокруг руин завода Каттербахов растекался густой серостью морозный туман. Казалось, Катя дышала крошечными осколками льда.

Она натянула шапку, потуже завязала шарф – зачем, сама не знала – и побежала к руинам, побежала так быстро, чтобы не передумать. Оказавшись в подвале, Катя чуть не упала: темнота тут стояла такая, что хоть глаз выколи, как сказала бы бабушка.

– Эй! – громко сказала Катя и задумалась: как обращаются к призракам? Бабушка говорила, что привидение зовут Луиза. Но вдруг призраки не любят, когда используют их настоящие имена?

– Эй! – повторила Катя. – Мне нужна помощь.

Вышло грубо и глупо. Будь Катя призраком, из вредности бы не ответила.

– Пожалуйста, – торопливо добавила она.

Где-то вдалеке надсадно залаяла собака. Что-то зашуршало под потолком. Водятся ли в руинах летучие мыши? Быстро застучавшее сердце кольнуло морозом. Катя вскинула голову:

– Прошу, помощи! Я все сделаю, все что угодно.

Шуршание стало громче, потом раздался писк и что-то пронеслось мимо, коснулось холодом щеки. Катя закричала, упала, спина вспыхнула болью. Темнота навалилась морозной тяжестью: бежать, бежать, бежать, подальше от этого места, домой, как же хочется домой!

– Мама, – заплакал кто-то рядом, и Катя не сразу поняла, что это ее собственный голос.

Она поднялась и заковыляла к просвету, а потом лицо брата вспыхнуло в памяти. Катя остановилась. Нет, нельзя уходить, даже если страшно, – нельзя, ни за что нельзя. Она здесь ради брата. Сейчас только это имеет значение.

– А ты упрямая, – усмехнулся кто-то за спиной.

Первое, что Катя увидела, обернувшись, – это два алых огонька. Будто кто-то включил рядом два светофора. Катя всмотрелась в огоньки и поняла: это глаза. А потом она увидела серебристый силуэт. Перед ней стояла полупрозрачная тень. Девочка ее возраста, может быть, чуть-чуть постарше.

Призрак замка – вернее, завода, конечно, завода – Каттербахов из бабушкиных сказок.

– Разве тебе не говорили, что мертвым лучше не доверять? Зря ты сюда явилась. – Красные глаза смотрели насмешливо. Призрак обошла Катю и вдруг сказала: – Я видела твоего брата на днях.

– Почему ты ему не помогла? – Слова вырвались сами собой, и Катя тут же прикрыла рот. Бабушка говорила, что призрак может многое, в том числе спасти жизни. Наверное, потому в голову и пришла мысль, что она была способна помочь ему и без просьб Кати.

Призрак засмеялась:

– Я не могу щелкнуть пальцами и сделать что пожелаю. За чудеса нужно платить.

– Как ты... – Горло пересохло. – Откуда у тебя дар? Ну, исполнять желания.

– О, – улыбнулась призрак. – Меня убили.

Она сказала это так буднично и просто, что по коже пробежали колющие мурашки.

– Как? – прошептала Катя.

– Мальчишки, – пожала плечами призрак. – Таких, как я, называли буржуями. Вот почему нам с братом никто не помогал. После семнадцатого года мы жили тут, на заводе. Питались обедками, крыс ловили, надеялись, глупые, на что-то. А потом брат умер. Просто уснул и не проснулся. И я осталась одна. Через несколько дней местные пришли за мной. Они не сразу убили меня, нет. Сначала избили, а потом. Впрочем, тебе не нужно знать, что они сделали потом. Смерть после этого казалась избавлением. – Глаза разгорались алым все ярче. –

Слышала про капище? Говорят, здесь, прямо здесь, где мы с тобой стоим, много веков назад волхвы проходили посвящение. Окропляли землю кровью, молились и обретали силы.

– И ты, выходит, как они? Как эти волхвы? – спросила Катя.

Призрак усмехнулась:

– Кто знает.

Катя мотнула головой. Казалось, вот-вот поднимется температура. Как-то раз Катя слышала выражение «мозги пухнут». Еще вчера оно казалось надуманным. Мозги не вата, как и от чего они могут пухнуть? Теперь Катя поняла: точнее слов не подберешь.

– Я бы пошутила, что ты умерла, но. – Призрак пожала плечами.

– Почему ты так разговариваешь? – невпопад спросила Катя. – Не как, ну.

– Люди моего времени? Я много наблюдаю за живыми и быстро учусь.

Зачем? Может, призраку тоже одиноко? Катя посмотрела на призрака и впервые подумала о Луизе как о девочке, такой же, в сущности, как она сама, только старше, и так же запертой в марсианской жизни. Просто посмертной.

Захотелось обнять Луизу. Сказать, что все будет хорошо, как и когда – непонятно, но точно будет. В конце концов, их, чужачек на Марсе, теперь двое. Может быть, когда Егор будет спасен, Катя с Луизой подружатся. Начнут встречаться, болтать, смеяться, как обычные земные девочки. У Кати еще не было подруг, кроме разве что мамы. И желания ни с кем дружить тоже не возникало. До встречи с Луизой, конечно.

– Ты сказала, что тебе нужна помощь, – спросила призрак. – Чего ты хочешь?

Голос ее звучал мягко, почти нежно. И Катя рассказала все. И про ссору с братом, и про то, как он ушел, и про СТАЮ. Призрак слушала внимательно. А Катя все больше верила: Луиза поможет, поможет просто так. Не только потому, что тоже когда-то была сестрой, а ради их будущей – хоть еще и не случившейся – дружбы. Может, это и было то самое чудо, на которое надеялась бабушка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.